

УДК 372.882 (Преподавание литературы)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА В ШКОЛЕ (НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2021 М.П. Шустов

*Шустов Михаил Парфенович, доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной филологии*

E – mail: mparfenovich@yandex.ru

Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина
Нижний Новгород, Россия

Статья поступила в редакцию 06.10.2020

Статья посвящена роли информационной культуры в анализе художественного творчества И.А. Бунина. Целью статьи является изучение роли сказочной поэтики в формировании оригинального стиля писателя, влияние сказки на углубленное раскрытие внутреннего мира бунинского героя и формирование специфического русского характера на основе сказочного мировоззрения. Новизна работы заключается в новом подходе к творчеству И.А. Бунина. Опираясь на сравнительно – сопоставительный, литературоведческий и информационный методы исследования, автор статьи доказывает преимущество литературоведческого анализа на основе информационной культуры. Анализируя произведения И.А. Бунина, автор статьи приходит к выводу, что успех писателя в создании своего оригинального авторского стиля напрямую связан с использованием нормативной сказочной поэтики, которую веками формировала народная сказка. И.А. Бунин, опираясь на сказочную поэтику, создает свой неповторимый стиль. С одной стороны, он создает свои литературные сказки, с другой, используя поэтические приемы сказочного жанра, превращая их в действенный инструмент своего авторского стиля.

Ключевые слова: образование, информационная культура, народная сказка, литературная сказка, аллегория, легенда, предание, русская душа, характер, сказочность, символ, внутренний монолог.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-22-26

Введение. В современном образовании появилась потребность в наличии информационной культуры практически у всех участников образовательного процесса. Возникла необходимость уметь ориентироваться, находить и использовать нужную информацию. Так называемая «информационная культура» свободно ориентирует школьника в определенном информационном пространстве. Информационная культура – это набор знаний, умений и навыков поиска, отбора нужной информации для решения учебных и исследовательских задач. Она включает грамотность и компетентность в понимании и расшифровке новых знаний. Один из важнейших элементов информационной культуры школьника – умение использовать полученную информацию в освоении новых знаний.

Хорошо известно, что фундаментом любой художественной литературы является устное народное творчество. Поэтому, изучая произведения любого писателя, необходимо учитывать информационную вертикаль, истоки которой следует искать в фольклоре. Не случайно М. Горький, беседуя с молодыми писателями, убеждал их изучать народное творчество. В сокровищнице устного народного творчества значительное место занимает сказка. Она не знает над собой власти времени, и каждое новое поколение людей принимает ее с особым интересом. Многие русские писатели создают свои авторские сказки, соперничающие с народными. Этот

дерзкий «спор» с фольклором начался давно и продолжается по сей день. Каждый из участников «спора» предлагает свои доводы и аргументы. Так появляется особая сказка – литературная, по сути своей – жанр парадоксальный. Тяготея к народной сказке, она в то же время отталкивается от нее. Постепенно литературная сказка завоевывает особую популярность в русской литературе, влияя на ее развитие, претендуя на жанровую самостоятельность.

В результате появляется понятие «сказочная традиция». Сказочная традиция в русской литературе – явление многогранное, один из факторов, определяющих направление и специфику литературного процесса. С одной стороны, она развивается и реализуется в новых жанрах, прежде всего – в жанре литературной сказки, с другой – сказочные элементы используются многими русскими писателями в своих далеко не сказочных художественных произведениях. Поэтому не случайно известный ученый Елеазар Мелетинский назвал сказку матрицей художественного произведения [7]. Для того, чтобы понять, как сказочные элементы используются русскими писателями, нужно оценить сам художественный феномен сказочного текста. Лучше других это сделал в своей монографии В.Я.Пропп, предложив любопытный анализ сказки как жанра, определив, что жанрообразующую роль в ней выполняют структурные элементы [9]. К ним относятся функции действующих лиц,

многоэпизодный, но завершённый сюжет, с четким и ограниченным развитием действия, которое членилось на элементы, каждому из них свойственна та или иная традиционная формула. Эти формулы сцепляются друг с другом благодаря системе словесно-смысловых повторов. Сюжет имеет обычно трехступенчатое строение; невероятное в сказке представляет собой гипербольизацию предметов и явлений; место и время действия неопределены; пространственно-временная организация мира представлена в сказке особым хронотопом. Наряду с этим в сказке выделяются неформульные повторы, которые представляют собой более мелкие структурные единицы. В результате выстраивается целая система словесно-смысловых повторов, где типизированный повтор выделяется в особую единицу, со смысловым ядром повтора в центре ее. Все эти разновидности сказочной поэтики, словно матрица, накладываются на творчество И.А. Бунина, придавая ему необычный колорит.

Материалы и методы исследования. С этой целью обратимся к анализу бунинских произведений с позиции ныне востребованной информационной культуры. И.А. Бунин одним из первых писателей конца XIX века ввел сказку в языковую ткань своих произведений. Следует заметить, что народное творчество интересовало писателя во всем своем объеме, поэтому его привлекали практически все жанры народной поэзии, особенно сказки, легенды и предания.

Бунин все свое творчество посвятил разгадке русской души. Сам он по этому поводу говорил: "Я должен заметить, что меня интересуют не мужики сами по себе, а души русских людей вообще. [...] Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина" [11].

Начиная с повести "Деревня", сказочно-фольклорный материал в творчестве Бунина приобретает большее значение в раскрытии темы национального характера. Главный герой повести награждается автором именем из народной сказки. Это Иванушка из Басова, "старозаветный мужик, ошалевший от долголетия". В нем сильно стихийное животное начало, "некогда славящийся медвежьей силой", он хранит в себе память о тех временах, когда его предки ощущали себя нерасторжимой частью великой природы, и сами были героями чудесных сказок.

Бунин подчеркивает в своей повести полную нечувствительность мужиков к красоте и неспособность их к состраданию. Так, например, ведет себя самый лучший из мужиков Тихон Ильич Красов: "Вышел он (из избы - М.Ш.) в одном пиджаке [...] Изо всей силы ударил Буяна сапогом в голову и стал мочиться на порог" [3, с. 63].

Переживая внутренний разлад своего характера, Тихон подслушивает сатирическую сказку о похоронах собаки, которую, "изображая то попа, то мужика" [3, с. 62], рассказывает мужик Оська. Бунин использует сказку для того, чтобы доказать свою мысль: в России всегда все можно было купить за деньги. Кухарка, сравнивая героя сказки - "забогатевшего мужика" - со своим хозяином Тихоном Ильичом: "- Не хуже нашего

Тугоногого, - вставила кухарка" [3, с. 62], - подчеркивает жизненную значимость сказочного персонажа и его роль в раскрытии идейного содержания повести.

Сказка понадобилась Бунину в данном случае, чтобы показать психологический склад русского мужика, неизменность его интересов и взглядов на окружающий мир.

В следующей своей повести ("Суходол"), посвященной вырождению дворянского рода в России, Бунин усиливает сказочно-языческое начало. Оно стоит на первом месте в изображении жизни Суходола, как крестьянской, так и барской. Достаточно, например, вспомнить сцену "заговаривания" "барышни" Антонины Петровны: " - Тоска, тоска! - Воскликнул он (местный "колдун" Клим Ерохин - М.Ш.) с внезапной силой и грозной властью. Ты иди, тоска, во темные леса, - там твое место! На море, на окяне, на острове Буяне лежит сучнища, а на ей серая рунища..." [3, с. 175].

Сказочно-легендарная тематика "Суходола" развивается писателем в рассказах 1912-1913-х годов. Например, о деревенском "колдуне" Липате, похожем на Клима Ерохина (из "Суходола"), написан рассказ "Хороших кровей", об "Илье Надеящем, древнем Огнеметателе" - рассказ "Илья - Пророк". Позже, уже находясь в эмиграции, Бунин назовет этот рассказ: «Жертва». Его сюжетную основу составляет сказка, но не сама по себе, а как сказка-сон. К такому приему Бунин уже прибегал в одном из первых своих рассказов "Праздник". Правда, теперь сон снится не автору рассказа, а его персонажу, Семену Новикову, и очень напоминает фольклорную сказку "Илья-Пророк и Миколай Угодник" [10, с. 270-272]. Поэтому и события развиваются в закономерной трехкратной последовательности: три раза наказывает Илья-Пророк Семена - убивает "молоньей" Пантелея; валит рожь градом, сжигает его дом, но всякий раз мужик с честью выходит из сложившейся ситуации. Три совета дает Семен пророку Илье, как наказывать его за "дерзость"; и только с третьим наказанием "Анфиску, убей" [4, с. 81], - соглашается пророк: " - Прислушайте, православные, - громко сказал Илья. Соглашайся!" [4, с. 81].

Однако вновь бунинский сюжет существенно отличается от фольклорного. В сказке из сборника Д.Н. Садовникова борются две силы: наказывающая крестьянина - Илья Пророк, и защищающая его - Миколай Угодник. Крестьянин в этом противоборстве играет пассивную роль, он лишь покорно выполняет указания своего защитника: продать пшеницу на корню и т.д. В бунинской сказке за мужика некому вступить. Он может рассчитывать только на себя самого. Рожь, которую Илья собирает побить градом, он продает благодаря собственной смекалке. Сам Илья представлен Буниным как порождение языческого мировоззрения крестьян. Поэтому, используя фольклорный вариант, Бунин не пытается создавать своей сказки, он использует её для «проникновения» во внутренний мир крестьянина.

С целью еще большего «проникновения» во внутренний мир русского мужика Бунин воссо-

здает в своих рассказах облик рассказчика-сказочника. В рассказе "Забота" барин обращается к мужику:

"Расскажи что-нибудь интересное" [4, с. 86], однако Авдею не до сказок, его гложет одна забота - о хлебе насущном. Поэтому на просьбу барина реагирует довольно прохладно. Молодой мужик Никифор ("Сказка") рассказывает сказку барину от нужды, скрывая раздражение. Поэтому и сказку он "вспоминает" вполне подходящую к ситуации: "Мужик мстит барину" (Андр., 1538). Хотя сама сказка, вложенная Буниным в уста персонажа-рассказчика, подвергается существенным изменениям. Например, в сказке из сборника А.Н. Афанасьева: "Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром" [8, с. 289], за что и терпит наказание. Барин не ждет третьего раза: "...еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и 200 рублей" [10, с. 289].

У Бунина барин злой и жестоко избивает мужика за то, что тот не уступает ему дороги. Месть мужика развивается по тому же сценарию, что и в народной сказке: мужик защемляет барину, но не руку, а нос деревом, "лечит" барина, приходит к нему под видом портного. В бунинском варианте заметно усиливается социальная острота взаимоотношений мужика и барина. Не случайно в итоге мужик убивает барина железным аршином. Такая развязка не типична для народного сюжета и, скорее всего, выдумана рассказчиком Никифором, а, точнее всего, автором рассказа. Таким образом, впервые Бунин выступает в роли создателя авторской сказки.

Еще в рассказе "Сны", который получил высокую оценку Чехова и Горького [12, с. 268; 294], Бунин передает негативное отношение крестьян к господам, не разрешившим слушать одному из них очередную рассказываемую легенду: "Не господское это дело мужицкие побаски слушать!" - говорит один из слушателей - рыжий мужик [2, с. 276]. Настроение крестьян в этом рассказе приподнятое.

Рассказ "Сказка" (1913 г.) написан через десять лет после "Снов". Мировоззрение И. Бунина к этому времени переживает значительную эволюцию, меняется его отношение к крестьянам, поэтому и их настроение в бунинском рассказе резко меняется. Надежда на лучшую жизнь, которая ясно слышится в легенде, сменяется унынием и озлобленностью крестьянина Никифора, рассказывающего сказку. Он тоже хотел бы сказать молодому собирателю сказок из мелкопоместных: "Не господское это дело мужицкие побасенки слушать!", - но не может. Фантазия Никифора не богата, он практически передает один из фольклорных вариантов сказки, в которой мужик обязательно расправляется с барином. Однако когда его упрекают в неизобретательности, Никифор наконец её проявляет, зло мстя своему надоевшему слушателю: "Вы недослушали, а говорите, сами не знаете что. Он его не одной плеткой, а еще аршином железным передре-

стил как следует... Он ему, говорят, все руки, ноги переломал, до того бил. Барыня задивилась, а он убитый лежит... "Ну, говорит, теперь поквитались..." [4, с. 168]. Так Бунин через отношение героев к сказке передает расхождение взглядов барина и мужика, которое к тому времени наметилось в России.

Оказавшись на чужбине, осознавая свою оторванность от Родины, Бунин вновь обращается к фигуре сказочника. "Ну расскажи еще что-нибудь, Яков Демидыч", - обращается барин к своему герою. Взаимоотношения слушателя и рассказчика в корне меняются: "Мы и сказки твои любим - это правда, я их хорошо выдумываю", - отвечает польщенный Яков Демидыч [5, с. 469]. Если Никифор "выдумывал" сказки со скрытым раздражением, а "мелкопоместный" слушал их, не скрывая своего скептицизма, то теперь они слушаются с наслаждением. Бунин в рассказах периода эмиграции не только довольно точно фиксирует сказочный текст, но и воспроизводит даже ремарки и жесты рассказчика: "Начал рассказ шутя, отрывисто, но тотчас стал увлекаться, глаза, брови заиграли, быстро меняя выражение, изображали то мужиков, то чванного москвича, то подкрадывающихся к нему собак, а потом вдруг вскрикнул, как бы от внезапной боли, подскочил, ударил себя по ляжкам, затопал лаптями, бросился, значит, бежать, - и согнулся, повалился вперед, хохоча вместе с воображаемыми девками" [5, с. 352].

Изменение взаимоотношений барина и рассказчика свидетельствует о том, что Бунин, находясь вдали от Родины, переоценивает характер русского мужика. Однако эта переоценка основывается не на использовании документальных фактов, а на обращении бунинских героев к русскому фольклору.

В 1921 г. Бунин пишет сказку "О дураке Емеле, какой вышел всех умнее". Она очень близка народной сказке из сборника А.Н. Афанасьева [1, с. 401-408]. Изменения, сделанные Буниным, касаются главным образом ритмизации сказочного повествования, сказка имеет и сюжетные отличия. Сознательно нарушая сказочные каноны, писатель подводит нас к определенной мысли. В сказке "О дураке Емеле, какой вышел всех умнее" её главный герой Емеля «превращается» Буниным в символ того русского характера, который он изучает на протяжении всего своего творчества. Символична сама речь Якова Нечаева из «Божьего древа». Рассказ перенасыщен фольклорными элементами, однако их присутствие в значительной мере оправдывается жанром произведения: это авторский дневник, в котором дается исследование определенного типа национального характера. Причем именно этот крестьянский тип, по мнению Бунина, и является самым лучшим. Автора рассказа интересует не отношение этого крестьянского типа к устному народному творчеству.

Годы революции, гражданской войны, эмиграции, безусловно, внесли коррективы в пред-

ставления Бунина о русском крестьянине. Поэтому Яков Нечаев - продолжение и развитие образа крестьянина. По словам Г. Кузнецовой, Бунин называл "Божье дерево" рассказом о веселом мужике [7, с. 251]. С изменением авторских взглядов на национальный характер русского крестьянина изменились и его взгляды на русский фольклор. Тоска по родине делала фольклор тем мостиком, который соединял его с прежней, далекой Россией.

Результаты исследования. Если говорить о сказочной традиции в творчестве И.А. Бунина, то следует заметить, что ее усвоение всегда шло по двум направлениям. Первое - заимствования непосредственно из самого фольклора, второе - из книжного источника. Во время эмиграции возможности контакта с фольклорным источником значительно уменьшаются, хотя желание таких контактов усиливается. И писатель обращается к письменным источникам. Он обращается не только к сказкам А.Н. Афанасьева, но и к другим литературным источникам, например, к "Смоленской повести" Н.М. Макарова [6, с. 40]. Поэтому в его "Сказках" (1930 г.), которые являются своеобразным продолжением "Божьего древа" влияние литературной сказки заметно усиливается. И Яков Демидыч рассказывает сказку "про мужика Чувиля и про бабу-ягу" [5, с. 471]. Она, как и повесть Н.М. Макарова, строится на основе традиционного сказочного сюжета "Терешечка" (Андр. 327 с.). Однако, в отличие от традиционной сказки, главным героем является не мальчик Чуфиль-Филюшка, а взрослый мужик, как и в повести Н.М. Макарова, бабу-яга из традиционного сказочного героя превращается даже не в людоедку, а в "начальницу всей сволочи: духов лесных и придуманных". Она и съест-то Чувиля не хочет: "Да мне и лопать-то не хочется" - "Вот те на!" (удивляется мужик - М.Ш.). "Так чего же тебе хочется?" - "А поиграть, позабавиться, посмотреть, как ты будешь в огне ко-режиться: я ведь, Чувиля, веселая!" [5, с. 472]. В отличие от Н.М. Макарова, Бунин не наполняет традиционный сюжет собственной выдумкой, а вкладывает в него совершенно иной, далеко не сказочный смысл. - Ну и к чему эта сказка придумана - а по-твоему к чему?" - парирует вопрос своего собеседника Яков Демидыч, не отвечая на него, предоставляя это сделать самим слушателям, "а вы подумайте..." многозначительно добавляет он [5, с. 472].

Выводы. Таким образом, центральное место в рассказах занимают не сказки сами по себе, хотя и они играют довольно существенную роль, связывая мечты писателя с жестокой реальностью, а их рассказчик. Яков Нечаев мог появиться, лишь благодаря эволюции бунинской оценки взаимоотношений русского мужика и барина, явная

размолвка которых, по Бунину, заканчивается их союзом: "Да вы не сбивайте меня, а то мне скучно станет...", - добродушно ворчит Яков Демидыч, явно располагая к себе своих слушателей [5, с. 474].

Сложная эволюция по отношению к национальному типу, раскрываемая с помощью фольклора, не могла не привести к перестройке бунинской повествовательной системы. Бунинский герой явился не конкретным определенным лицом. Прежде всего, он превратился у Бунина в лирический субъект, с помощью которого автор и создает обобщенный характер.

И новой в лирических бунинских миниатюрах явилась такая "сказочность" повествования, которая во многом базировалась на образной авторской символике.

Например, в "Эпитафии", "Новой дороге" и других миниатюрах живет, думает, чувствует и рассуждает не только человек, но и природа, которая с помощью олицетворений и поэтизации восстанавливается в своей телесности: "Ни души! - сказал ветер, облетев всю деревню и закрутив в бесцельном удалестве пыль на дороге" [2, с. 197].

Часто такая "сказочность" основывается на откровенной фольклорной стилизации, ориентированной на фольклорную образность. В полном соответствии с законами жанра лирической миниатюры, фольклорные формы повествования не столько изображают, сколько поэтически преобразуют действительность: "Но морозный ветер захватывает ему дыхание, слепит снегом, и мгновенно пропадает огонек, который, казалось, мелькнул сквозь вьюгу. Да и человечьи ли это хижини? Не в такой ли же черной сторожке жила бабу-яга? "Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом! Приюти странника в ночь!.." [2, с. 210]. Этот отрывок, взятый из бунинского рассказа "Сосны", свидетельствует о нерасторжимом "языческом" единстве человека и природы, закрепленном в образах русской народной сказки. С точки зрения структуры художественного текста, это довольно сложный сплав внутренней речи конкретного персонажа с воображаемой "чужой" речью. Ничего похожего в предшествующей Бунину литературе не было.

Проза Бунина впитывает в себя поэтический строй сказочного мышления, лиризм, задушевность и мелодичность народного языка, богатство его ритма и интонации. В рассказах Бунина не диалог, а именно внутренний монолог, становится той формой стилистического построения речи, где наглядно обнаруживаются формы выразительности и авторской экспрессии. Именно во внутренних монологах рассказчика проявляется новаторская сущность многих бунинских рассказов.

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки / А.Н. Афанасьев. - М., 1957. - С. 401-408.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т.т. - Т. 2. - М., 1965.
3. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т.т. - Т. 3. - М., 1965.
4. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т.т. - Т. 4. - М., 1965.
5. Бунин, И. А. Собрание сочинений: в 9 т.т. - Т. 5. - М., 1965.
6. Макаров, М. Н. Кривич – христианин и Ягая // М.Н. Макаров // Вестник Европы. - 1827. - № 13. - С. 40.
7. Мелетинский, Е. Сказка как матрица / Е.Мелетинский // Paradox. - 2003. - № 12. - С. 12-20.

8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т.3. - М., 1957. - С. 289.
9. Пропп, В. Морфология сказки / В.Я.Пропп. - М., 2001. - 192 с.
10. Сказки и предания Самарского края. / Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым // Записки имп. рус. геогр. общ. по отделению этнографии. - Т. 12. - СПб., 1884. - № 91. - С. 270-272.
11. У академика И.А. Бунина // Московская весть. - 1911. - 12 сентября.
12. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 20. - М., 1954. - С. 268; Горький М. Собрание сочинений: в 30 т.т. - Т. 28. - М., 1954. - С. 294.

STUDY OF I.A. BUNIN'S CREATIVITY AT SCHOOL (NEW READING BASED ON INFORMATION CULTURE)

© 2021 M.P. Shustov

*Michael P. Shustov, doctor of philological Sciences, Professor
of the Department of Russian and foreign Philology*

E-mail: mparfenovich@yandex.ru

*Minin Pedagogical University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia*

The article is devoted to the role of information culture in the analysis of I. A. Bunin's artistic creativity. The purpose of the article is to study the role of fairy-tale poetics in the formation of the original style of the writer, the influence of fairy tales on the in-depth disclosure of the inner world of Bunin's hero and the formation of a specific Russian character based on the fairy-tale worldview. Materials and methods: The novelty of the work lies in a new approach to the work of I. A. Bunin. Based on comparative, literary and informational research methods, the author of the article proves the advantage of literary analysis based on information culture. Research results: analyzing the works of I. A. Bunin, the author of the article comes to the conclusion that the success of the writer in creating his original author's style is directly related to the use of normative fairy-tale poetics, which has been formed by folk tales for centuries. Discussion and conclusion: I. A. Bunin, relying on fairy-tale poetics, creates his own unique style. On the one hand, he creates his own literary fairy tales, on the other, using poetic techniques of the fairy-tale genre, turning them into an effective tool.

Key words: education, informational culture, folk tale, literary fairy tale, allegory, legend, the Russian soul, character, fantasy, symbol, inner monologue.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-22-26

1. Afanas'yev, A. N. Narodnyye russkiye skazki (Folk Russian fairy tales) / A.N. Afanas'yev. - М., 1957. - С. 401-408.
2. Bunin, I. A. Sobraniye sochineniy: v 9 tt (Collected works: in 9 volumes). - Т. 2. - М., 1965.
3. Bunin, I. A. Sobraniye sochineniy: v 9 tt (Collected works: in 9 volumes). - Т. 3. - М., 1965.
4. Bunin, I. A. Sobraniye sochineniy: v 9 tt (Collected works: in 9 volumes). - Т. 4. - М., 1965.
5. Bunin, I. A. Sobraniye sochineniy: v 9 tt (Collected works: in 9 volumes). - Т. 5. - М., 1965.
6. Makarov, M. N. Krivich – khristianin i Yagaya (Krivich - Christian and Yagaya) // M.N. Makarov // Vestnik Yevropy. - 1827. - № 13. - С. 40.
7. Meletinskiy, Ye. Skazka kak matritsa (Fairy tale as a matrix) / Ye.Meletinskiy // Paradox. - 2003. - № 12. - С. 12-20.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах (Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev in three volumes). Т.3. - М., 1957. - С. 289.
9. Propp, V. Morfologiya skazki (Morphology of a fairy tale) / V.Ya. Propp. - М., 2001. - 192 с.
10. Skazki i predaniya Samarskogo kraya. / Sobrany i zapisany D.N. Sadovnikovym (Tales and legends of the Samara region. / Collected and recorded by D.N. Sadovnikov) // Zapiski imp. rus. geogr. obshch. po otdeleniyu etnografii. - Т. 12. - СПб., 1884. - № 91. - С. 270-272.
11. У академика И.А. Бунина (By Academic I.A. Bunin) // Moskovskaya vest'. - 1911. - 12 sentyabrya.
12. Chekhov, A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem (Complete Works and Letters). Т. 20. - М., 1954. - С. 268; Gor'kiy M. Sobraniye sochineniy: v 30 tt (Collected works: in 30 volumes). - Т. 28. - М., 1954. - С. 294.